

УДК 821.161.1–1

**БЛОКОВСКАЯ ТРАДИЦИЯ В СТИХОТВОРЕНИИ БУЛАТА ОКУДЖАВЫ
«ТЬМОЮ ЗДЕСЬ ВСЕ ЗАНАВЕШЕНО...»**

© 2013 г.

Д.В. Мосова

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова

diana.mosova@mail.ru

Поступила в редакцию 10.10.2012

Характеризуется мотив двоemiрия, позиция лирического героя, поэтические средства воплощения идеальной женственности, функция цитатного слов в стихотворении Булата Окуджавы «Тьмою здесь все занавешено...».

Ключевые слова: Блок, Окуджава, традиция, символ, реминисценция, цитата, метафора.

Раннее (1959 года) песенное стихотворение Окуджавы «Тьмою здесь все занавешено...» (известное также под названием «Ваше величество женщина») еще первыми читателями и слушателями было интуитивно признано «блоковским», о чем первым написал французский критик Марран: «Это блоковская незнакомка нынешнего городского поэта, его Прекрасная дама» [1, с. 337]. Позднее А.К. Жолковский обобщил: «Мир Окуджавы дуален и символичен. Он строится на концепции идеала, стоящего над тяжелой реальностью и позволяющего надеяться на его воплощение в ней» [2, с. 114]. Тему стихотворения «Тьмою здесь все занавешено...» А.К. Жолковский определяет как «модальное преодоление тяжести жизни, в частности быта героя, высшим, идеальным началом, представленным пришедшей женщиной» [2, с. 340]. Каковы истоки этой идеализации, сближающей Окуджаву с поэтическим миром Блока?

Сам поэт комментировал стихотворение: «Долгое время у нас почти не пели о любви, и в самом слове “женщина” для некоторых было что-то сомнительное. Из протеста против пуриганского ханжества я и решился воспеть женщину как святыню, пасть перед ней на колени» [3, с. 418]. Сопротивление эпохе, лишавшей Женщину ее таинственного ореола, и явилось предпосылкой для поиска творческих ориентиров в прошлом литературы. Хотя Окуджава всегда был внутренне далек от мистического понимания Вечной Женственности, ему, безусловно, свойственно чувство чудесного. Блокская мифологема, претерпевшая в восприятии поэта трансформацию, стала главным сквозным «сюжетом» творческого диалога с предшественником.

Если Блок, подчеркивая мистически-божественный статус героини, всегда пишет ее условное имя с заглавной буквы, то Окуджава наделяет особым смыслом анахронизм королевского титула: «ваше величество женщина». Е. Петрушанская замечает, что «доверие к “высочествам” исчезло» после перенасыщенного ими Серебряного века по причинам социальным и эстетическим; однако позднее ностальгия по ушедшей эпохе актуализирует тему «недекларированного величия», приводит поэтов поколения Окуджавы к «историческим, мифологическим, фольклорно-сказочным источникам, к средневековой поэзии, культу Прекрасной Дамы» [4, с. 94].

Героиня Окуджавы не только подчеркнута «несовременна». Характеризуя литературную традицию, развиваемую Блоком, Н.А. Ермакова пишет о типологическом сходстве тех лирических ситуаций, когда «облик героини совершенно лишен попыток какой бы то ни было его конкретизации»: «героини, собственно нет», поскольку «она – воплощение абсолюта» [5, с. 169]. В стихотворении Окуджавы «чудное мгновенье», по замечанию М.А. Александровой, «отражается только в словесных жестах лирического героя» [6, с. 185]. Вот почему при отсутствии у Окуджавы мистического колорита его героиня воспринимается как существо неземное. Ее «надмирность» подчеркнута контрастным фоном; описание пространства, где пребывает герой, позволяет узнать неустроенный быт вполне определенной эпохи: «Тьмою здесь все занавешено // И тишина, как на дне... // Ваше величество, женщина, // да неужели – ко мне? // Тусклое здесь электричество, с крыши сочится вода. // Женщина, ваше величество, // как вы решились сюда?» [3, с. 92].

На первый взгляд, герой Окуджавы замкнут в кругу обыденности. Внимание заострено на тривиальной и скудной обстановке дома, характеризующей и духовное пространство обитателя такого жилища. А.К. Жолковский констатирует, что в поэтическом мире Окуджавы «герой бессилен перед “тяжестью жизни”»; с другой стороны, «скромный до бедности быт» может быть рассмотрен «как фон или носитель внутреннего, духовного <...> богатства» [2, с. 330]. В контексте стихотворения видимая «скудость» способна выразить отрешенность от материального, свидетельствовать о том, что герой лишь «на любовь свое сердце настроил», всецело посвятил себя ожиданию *Ее прибытия*.

Безмолвие, тишина являются характеристиками обыденного мира до появления на пороге Женщины; мотив «тишины» дан с явной негативной коннотацией. Однако в контексте целого семантика «тишины» совмещается также с коллизией «безответности», невозможности постижения Ее тайны, словесного диалога с Нею. Прекрасная Дама (*Ваше величество*) молчит. Страстные попытки героя найти ответы на свои вопросы («Как вы решились сюда?.. Кто вы такая? Откуда вы?»), стремление осознать свою избранность перед Женщиной-Королевой остаются нереализованными. Встреча «на пороге» подчеркивает драматизм ситуации: герои разделены границей, символизирующей их принадлежность к разным мирам. В итоге лирический герой признает себя недостойным Прекрасной Дамы, иронически ссылаясь на ошибку, *путаницу*: «Кто вы такая? Откуда вы?! // Ах, я смешной человек... // Просто вы дверь перепутали, // улицу, город и век» [3, с. 92]. Это ошибка его самоопределения; это ошибка эпохи, давно не верящей в чудеса; наконец, это случайность, сопровождающая вечные блуждания идеала в попытке воплотиться, осуществиться [6, с. 187]. Но и самоирония героя, нашедшего «простое», обидное для себя объяснение происходящего, не заслоняет его потребности в идеале. Следовательно, он действительно избран Женщиной; в то же время невозможность их соединения, переступания «порога» закономерна. Итак, причины любовного «несовпадения» героев не могут быть окончательно определены, происходящее остается многозначным; такова в мире Окуджавы параллель к мистической «загадочности» блоковских коллизий.

По справедливому замечанию Л.С. Дубшана, тотальная парадоксальность, оксюморонность – главное, что «позволяет сблизить поэтику Окуджавы с блоковской» [7, с. 52]. Один из ха-

рактерных для Окуджавы оксюморонов – превращение традиционного поэтизма «любовного горения» в амбивалентный образ: «О, ваш приход как пожарище. // Дымно, и трудно дышать...». Суть данного сравнения А.К. Жолковский видит в реализации следующей константы поэтического мира Окуджавы: «любовь как непреодолимое, тяжелое, но благотворное состояние» [2, с. 347], которое и «затрудняет дыхание» слабого земного героя при встрече с *Ее величеством* – всепокоряющим высшим началом; тем самым исследователь аргументирует «различие в сходстве» пастернаковских и окуджавских стихов, варьирующих пушкинское «Я помню чудное мгновенье...» [2, с. 328] и «символистский сюжет о явлении лирическому герою Прекрасной Дамы» [2, с. 583]. При этом никак до сих пор не отмечено, что образ *пожарища* связан со стихотворением Блока «Зову тебя в дыму пожара...».

В.М. Жирмунский подчеркивал, что для Блока «романтическое преобразование мира с помощью метафоры – не произвольная поэтическая игра, а подлинное прозрение в таинственную сущность жизни» [8, с. 206]. В стихотворении Блока метафора «дым пожара» определяет кольцевую композицию, выражая тем самым всю полноту символистского смысла: «Зову тебя в дыму пожара, // В тревоге, в страсти и в пути. // Ты – чудодейственная кара, // К земле грозящая сойти. <...> В суровом дуновеньи брани // Воспряну, вскрикну и пойму // Мечты, плывущие в тумане, // Черты, сквозящие в дыму!» [9, с. 220]. Двойственность преобразующего мир события и того чувства, которым охвачен герой в ожидании Ее воплощения, представлены единством «чуда» и «кары». У Окуджавы переживание сложное, драматичное, но не имеющее мистического характера, выражается с помощью более логичного, рационально построенного тропа – сравнения: «О, ваш приход – как пожарище...»; такое изменение структуры образа позволяет судить о сознательном цитировании блоковского источника. Однако непосредственно вслед за этим сравнение перерастает в метафору, призванную «по-блоковски» охватить внутренний и внешний мир в состоянии смятения: «Дымно, и трудно дышать...». Показательно, что восходящий к старшему поэту словесный образ здесь не воспринимается как цитатное слово; это особенно наглядно характеризует и своеобразие творческой рецепции наследия Блока, и органичность блоковской традиции для поэтического мира Окуджавы в период его становления.

Список литературы

1. Марран. Булат Окуджавы и его время // Континент. 1983. № 36. С. 329–354.
2. Жолковский А.К. Избранные статьи о русской поэзии: Инварианты, структуры, стратегии, интертексты. М.: РГГУ, 2005. 654 с.
3. Окуджавы Б.Ш. Стихотворения. М.: Эксмо, 2006. 480 с.
4. Петрушанская Е. «Их величества» у Булата Окуджавы и Иосифа Бродского // Миры Булата Окуджавы: Материалы Третьей Междунар. науч. конф. 18–20 марта 2005 г., Переделкино. М., 2007. С. 94–100.
5. Ермакова Н.А. К поэтике интертекста: мотив встречи с идеальной возлюбленной (Блок / Вяземский) // Материалы к словарю сюжетов и мотивов русской литературы. Вып. 4: Интерпретация текста: Сюжет и мотив. Новосибирск, 2007. С. 161–180.
6. Александрова М.А. «Чудесный случай» в лирике Булата Окуджавы // Случай и случайность в литературе и жизни: Материалы конференции [Пушкинские горы, 6–10 июля 2005 года]. СПб., 2006. С. 183–198.
7. Дубшан Л.С. О природе вещей // Окуджавы Б.Ш. Стихотворения. СПб., 2001. С. 5–55.
8. В.М. Жирмунский. Поэтика Александра Блока // Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Избранные труды. Л., 1977. С. 205–237.
9. Блок А.А. Собр. соч.: В 6 т. Т. 1. Л.: Худож. лит. (Ленингр. отд.), 1980. 512 с.

BLOK'S TRADITION IN BULAT OKUDZHAVA'S POEM «LADY MAJESTIC»*D.V. Mosova*

The article considers the marks of Blok's tradition – the motif of the two-sided world, the position of the character, the means of the realization of the Beautiful Lady, the function of quotation in Bulat Okudzhava's poem "Lady Majestic".

Keywords: Blok, Okudzhava, tradition, symbol, metaphor, quotation, reminiscence.